

Осень нелюбви

Татьяна Лебедева

Татьяна Лебедева

Осень нелюбви

«Издательские решения»

Лебедева Т.

Осень нелюбви / Т. Лебедева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901491-7

За одну осень главная героиня книги теряет работу, близкого мужчину и большую часть друзей. Одинокая и озлобленная, она пытается найти ориентиры для дальнейшей жизни. Спутницей ей становится Анна Ахматова, женщина с сложной судьбой, полной лишений и ошибок. Преодолевая вместе унижения и отчаяние, они учатся «просто, мудро жить». В этой книге автор предлагает читателю пройти вместе с ним путь от боли, бессилия и пустоты до настоящей любви.

ISBN 978-5-44-901491-7

© Лебедева Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава I. Сентябрь	6
Эгоизм	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Осень нелюбви

Татьяна Лебедева

Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда...

А. Ахматова

© Татьяна Лебедева, 2020

ISBN 978-5-4490-1491-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Сентябрь

Эгоизм

Рома вел машину. Я сидела на соседнем сиденье, и меня жутко укачивало. Я втягивала ноздрями как можно больше воздуха и задерживала его в себе: помогало на секунду, – а потом снова давящая приторная тошнота подкатывала к горлу. В салоне стоял запах дермантина, смешанный со сладким освежителем в виде елочки, который болтался над рулем. Хотелось свежего воздуха, – но стоило чуть приоткрыть окно, – ледяной ветер бил по моему лицу своим колючим крылом, – и приходилось снова прятаться в тошнотворном тепле. Я мечтала поскорее добраться до автосервиса, куда мы направлялись, чтобы забрать из ремонта мой Мини Купер. Однако, как назло, в городе были пробки, приходилось постоянно дергаться. Рома водил резко: машина то заходила громким ревом, то свистела тормозами. Когда Рома со всей силы в очередной раз нажимал на газ, и меня вдавливало в спинку сидения, – хотелось матерно обругать его. Я впивалась ногтями в сиденье – и еле сдерживалась.

– Ром, можешь не так резко? Меня укачивает.

Он усмехнулся.

– Как скажешь, принцесса!

Я сделала вид, что не заметила его насмешки.

– Мне очень плохо последнее время, я неважно себя чувствую... – мой голос дрогнул: очень захотелось сочувствия.

Рома пожал плечами.

– Это из-за твоего психологического состояния, – спокойно констатировал он. – Ты злишься, истеришь, у тебя повышенная раздражительность. Вот тебе и плохо, – холодно закончил он и сделал резкий поворот на желтый сигнал светофора.

– Наверное, у меня есть на это причины, – тихо ответила я.

Мы с Ромой работали в одном офисе уже два года. Нас наняли в один день, – и это сразу сблизило нас: мы вместе волновались в коридоре перед собеседованием, вместе ждали ответа, а потом вдвоем же пошли отмечать наше трудоустройство. Рома говорил, что влюбился в меня сразу, еще в том коридоре, когда мы успели рассказать друг другу о своих надеждах и страхах, о безумных студенческих днях и увольнении с предыдущих мест. И сразу же, без промедления Рома начал за мной ухаживать. Он угощал меня шоколадом, приглашал на кофе и каждый раз искал глазами мою реакцию, когда шутил с кем-то из сослуживцев. Он умел быстро завязывать отношения с людьми, – и вскоре его обожал весь офис, а через месяц и мы с ним начали встречаться.

Но в последнее время все изменилось. Я не заметила, как это произошло, но вдруг я потеряла его! Уже неделю я чувствовала, что он больше не мой, и все это время я не знала, как начать разговор.

– Ром, все как-то не так! – я наконец сделала попытку объясниться. – Что-то изменилось между нами, а я не была готова к этому. Знаешь, такое чувство, что жизнь, не спросив меня, сошла с колеи и пошла куда-то в лес, а я сижу на рельсах и ничего не понимаю, не знаю, что делать дальше.

Он скривил рот.

– До тебя я даже не знал, что такое метафора, а теперь мне приходится каждый день разгадывать их смыслы.

Он молчал и ждал, хотел, чтобы я перестала говорить общие фразы и перешла к сути. Он всегда так делал, когда я пыталась завести разговор издалека с помощью намеков. А я не могла подобрать слова.

– Я говорю о твоём отношении ко мне, – я провела ладонью по лбу, тщательно подбирая выражения. – Оно изменилось. Ты постоянно отпускаешь саркастические шутки в мою сторону, перестал поддерживать меня. Я чувствую, что ты стал холоден, ты забываешь обо мне, у тебя появились новые интересы, новые увлечения.

– Какие, например? – спросил он резко.

Я заколебалась.

– Например, сегодня утром ты пошел с девочками пить кофе, а меня не позвал, – я сама почувствовала, насколько мелким было мое обвинение. – Это маленький пример, это ерунда...

– Это... – он засмеялся, – это смешно, Даш. Я даже не буду тебе ничего объяснять!

– Так отношения и складываются из таких мелочей! И этих мелочей в последнее время становится все больше, они накапливаются. А потом в какой-то момент ты поймешь, что от прежнего уже ничего не осталось, оно вытеснено этими, казалось бы, пустяками. И все! Все изменилось!

Рома забыл о том, что я просила его вести машину помягче. Меня снова мотало по салону взад-вперед, словно на адских американских горках.

– Ты права, – наконец сказал он.

Я почувствовала, как тошнота с новой силой прилила к горлу, – и на всякий случай прижала ладонь к губам. Я ожидала, что он начнет оправдываться и уверять меня, что все хорошо. Однако...

– Только это ты разрушила отношения. Ты изменилась, – внезапно сказал Рома.

– Что? Как? – опешила я.

Рома пожал плечами. Его профиль был спокойным, почти каменным. Он смотрел прямо на дорогу и, казалось, что я и мои переживания сейчас волнуют его меньше всего на свете.

– Ты почему-то решила, что мир крутится вокруг тебя. Я тебе должен, офис тебе что-то должен, жизнь тебе должна, – он говорил это монотонно, как само собой разумеющиеся вещи. – А что ты делаешь в ответ?

– Я? – я растерялась. – Я всё делаю...

– Ты всех критикуешь и постоянно всем недовольна, – хмыкнул Рома.

Он резко нажал на тормоз, – меня бросило вперед на панель, и не будь я пристегнута, то обязательно разбила бы себе нос.

– Тебе кто-то об этом говорил? Вы это обсуждаете, когда ходите пить кофе?

– Нет, Даш, это мои личные наблюдения.

Это было, как неожиданный удар под дых, когда теряешь ориентацию и только и можешь, что глотать ртом воздух в ответ.

– Ты изменилась, – продолжал Рома. – И в худшую сторону. Может, в этом есть и моя вина, я тебя избаловал.

Я чуть-чуть отдышалась.

– Я действительно изменилась и знаю об этом, – я проглотила обвинение, я хотела все сгладить. – Знаешь, я сама часто вспоминаю, что два года назад была гораздо веселее, добрее, я много смеялась. Это все проклятая работа, я оставила на ней все свои нервы. Понимаешь? Из-за нее у меня не оставалось времени на веселье, на сочувствие другим людям. Возможно, последнее время я была замкнута и... требовательна к людям, но не потому что я считаю, будто все мне должны или презираю всех. Нет! Мне было тяжело! Я еле справлялась, на меня свалилась огромная куча раздраженных клиентов. Они выплескивали этот негатив на меня. Поэтому во мне его так много! Плюс я стала серьезней, потому что повзрослела, перестала

быть наивной. Но это все внешнее, Рома, внутри я все та же девочка. Я просто изменилась. Не в худшую сторону. Понимаешь? Просто изменилась!

– А я тебе говорю, что в худшую! – отрезал Рома.

Он остановил машину. Мотор заглох, мы приехали.

– Ты несправедлив! Ты выгораживаешь себя!

Он вышел, хлопнул дверцей, я тоже вышла следом за ним. Он щелкнул сигнализацией.

– Ты стала очень эгоистична! И, пожалуйста, больше не надо оправдываться, что-то объяснять, обвинять меня, вообще не надо ничего говорить мне в ответ! Иди, забирай машину: вон она стоит.

Я осмотрелась. На обшарпанной стоянке, рядом с облезлыми воротами гаражей автомастерских унылыми рядами стояли разбитые автомобили. Некоторые были разворочены настолько, что больно было глядеть, как из-под яркой блестящей краски выпирают их грубые металлические внутренности.

Я пошла к машине по раскрошившемуся от времени и тысяч колес асфальту. Холодный осенний ветер продувал насквозь, волосы развевались перед лицом, застилая глаза. Рома шел сзади. Мне казалось, что его взгляд неодобрительно сверлит мне спину. Я сжималась и куталась в легкое пальто. Как же он сумел перекрутить разговор, что я еще и оказалась виноватой! И даже не дал мне возможности припомнить ему о его промахах и недостатках, об обидах, которые он мне наносил. Я остановилась у своей машины и осмотрела ее. Две недели назад я сдавала задом на парковке и не заметила столб. На заднем бампере тогда образовалась большая уродливая вмятина. Теперь же бампер отрихтовали и покрасили, так что он сиял, как новенький.

– Хорошая работа! – сказал Рома, деловито осмотрев Мини Купер. Потом повернулся ко мне.

– Мавр сделал свое дело, мавр может уходить! Я поехал.

– Пожалуйста, постой еще минутку, пока я расплачусь... – почему-то не хотелось оставаться одной на этом пронизывающем ветру.

Нужно было дожидаться мастера, чтобы отдать деньги за работу. Рома остался, он топтался с ноги на ногу, молча кутался в воротник от ветра и смотрел на часы. Я не находила слов, чтобы продолжить беседу. Наконец из подсобки вышел парень.

– А вот и мастер, – выдохнул Рома, – Ладно, Даш, я поехал, а то мне некогда... Еще на встречу нужно...

Спустя десять минут я возвращалась на работу в плотном потоке машин. На сердце было очень тоскливо. Начало опять подташнивать. Неужели тошнота может быть из-за плохого настроения? Ветер порывисто бросал в стекла мелкие капли дождя. Стеклоочистители монотонно отбивали ритм. Кругом была серость и печаль. Осень. Из души тоже тянуло холодом, как из сырого подвала. Что-то там было не так. Я задумалась. А в чем-то ведь Рома прав. У меня атрофировались душевность, отзывчивость, даже бытовое, естественное женское сострадание задерживалось в моем сердце не более, чем на минуту, вытесняемое суетой, усталостью и бесконечно наваливающимися на меня проблемами и вопросами. Каждый день мне приходилось конкурировать со всем городом, выгрызать зубами новые продажи, чтобы выполнять план и получать свои бонусы. Это всё работа, это все бесчеловечное общество успеха и благоденствия, мельница со скоростью свыше трехсот тридцати метров в секунду. Я притормозила и съехала на правую полосу. Хотелось выпасть из бешеного ритма, подумать. Но мысли мои недолго витали вокруг собственной душевной опустошенности. Было нечто, о чем Рома промолчал, что хотел скрыть от меня. Но именно оно и было главной причиной его охлаждения ко мне. И я переключилась на веселую симпатичную блондинку Ларису, новую сотрудницу, которая появилась у нас на работе три недели назад. Жизнерадостная и добродушная, привет-

ливая и услужливая, она была моим Альтер-эго и в то же самое время – мной самой двухлетней давности. Она добродушно обнимала и целовала коллег при встрече и прощании, тогда как я, не поднимая глаз, только холодно говорила «привет» и «до свидания». Она готовила всем в офисе кофе и угощала испеченными дома пирожками. Она заливисто хохотала над всеми шутками Ромы, не упускала повода выйти с ним покурить. И каждый раз по дороге в курилку и обратно она рассказывала ему невероятно веселые истории, – и я слышала, как Рома смеялся в ответ и вставлял свои шуточные комментарии. И Рома проводил с ней все больше времени, смотрел в глаза и однажды даже подвозил домой. У меня не было доказательств, я ни разу не видела, чтобы он до нее дотрагивался или звонил ей по вечерам. Я ни разу не ловила их испуганные взгляды, когда внезапно входила в комнату и заставляла их наедине, они казались спокойными, как люди с чистой совестью. Но я чувствовала, что подспудно в них уже зреет влечение друг к другу, что Рома сравнивает нас, и что я в этих сравнениях проигрываю.

Держа одной рукой руль, другой я достала из сумочки телефон и позвонила своей подруге в Киев. Гудки были долгими, как сентябрьский занудный дождь.

– Ань, привет! Скажи, пожалуйста, честно: я эгоистка? – задала я ей сразу волновавший меня вопрос.

– Привет! – прозвучало в трубке. – Да все мы эгоисты в какой-то мере, – философски начала она. – Тебя кто-то упрекнул в этом? Не бери в голову! Просто его эгоизм в какой-то момент столкнулся с твоим эгоизмом! Потому что если б он сам был альтруистом, он никогда бы ничего такого в тебе не заметил!

– То есть если ты эгоист, главное, альтруистическое окружение себе найти? – я хмыкнула. – Так легко.

– А у тебя какие-то трудности?

– По-моему, мы расстаемся с Ромой.

– И он сказал тебе, что из-за твоего эгоизма?

– Да.

– Хм, – она помолчала пару секунд. – Знаешь, я думаю, там что-то другое.

– Например?

– Не хочу тебя зря накручивать...

– Аня, говори уже! – воскликнула я в нетерпении. – Что ты думаешь?

– Если бы мне так сказал парень, я бы подумала, что он встретил другую девушку, – безапелляционно ответила она.

– Аня...

– Что такое?

– Ты подтверждаешь мои мысли.

Я уже доехала до работы, но не выходила из машины. Капли дождя постепенно заполняли стекла и отгораживали меня от окружающего мира. Я положила голову на руль.

– У нас в офисе появилась новая девочка, – рассказала я. – Она очень симпатичная, веселая, все время смеется...

– Дурочка, что ли?

– Нет, – я улыбнулась. – Жизнерадостная, открытая. И я подозреваю, что Рома в нее влюбился.

И перед моим мысленным взором всплыла картина: Лариса в шелковом разноцветном платье на одно плечо влетает в менеджерскую: «Мальчики, выручите, пожалуйста! Дайте сигаретку! Очень прошу!» И Рома подскакивает и начинает торопливо искать у себя по карманам. Наконец достает из джинсов помятую пачку и с улыбкой протягивает ей: «Держи, Лорик, кури на здоровьечко!» – и в его глазах пляшут игривые огоньки.

– Даша, – прервала мои воспоминания Аня, – но ведь ты же не любишь его?

– Нет, – ответила я.

– Ты говорила, что он алкоголик...

– Это я в злости тогда сказала. Хотя... может, и алкоголик. Он, когда выпьет, такой неадекватный становится.

– Так пусть идет на все четыре стороны!

– Не могу отпустить. Это нелегко.

– Ты очень переживаешь, тебе больно? – произнесла Аня мягко.

– Мне обидно. Но почему я не хочу его отпускать? Даже себе еще не могу объяснить. Наверное, потому что не хочу проигрывать. Потому что он был два года моим, а теперь будет чьим-то чужим. Это ли не эгоизм? – я иронично засмеялась.

– Даша, прекращай это! Бери отпуск и приезжай ко мне в Киев. Я тут тебя жду! Отдохнешь, проветришься!

– Спасибо! Я посмотрю, как будут обстоять дела на работе. Если получится, приеду, – я не собиралась ехать, я думала, как возвращать Рому. – А как у тебя дела? А то я все о себе да о себе.

Мы поговорили еще несколько минут. Сквозь стекла в машине из-за капель не было уже ничего видно. Я сидела в темноте и в одиночестве, в плену своих мыслей.

* * *

А теперь немного о моей работе, которая собственно и виновата в том, что личная жизнь у меня пошла наперекосяк, и что я изменилась, как говорил Рома, в худшую сторону. Мы с Ромой были менеджерами в филиале крупной компании, занимающейся продажей строительных материалов в городе Курске. Я продавала в частный сектор, Рома был ответственен за промышленное строительство. В секторе частной коттеджной постройки наша компания специализировалась на кровельных материалах: черепица, водосточные системы, мансардные окна и т. п. В общем, продавала крыши, «крышевала» Курск. Первый год я была в депрессии оттого, что клиентов не было, проваливала планы продаж и каждый месяц ждала увольнения. Во второй год от постоянно звонящего телефона и угроз со стороны рассерженных клиентов я превратилась в невротика.

Коттеджи с дорогими крышами может позволить себе далеко не каждый, и моими заказчиками были административные чиновники, крупные бизнесмены и даже полукриминальные авторитеты. Все они были капризны и непредсказуемы, привыкли требовать, чтоб все было быстро, и срывались, если что-то вдруг шло не так, как им хотелось. А случаи бывали разные, и не всегда все зависело от меня. Порой казалось, что обстоятельства просто издеваются надо мной и моей нервной системой.

Однажды моей клиенткой оказалась очень интеллигентная, милая женщина, она не могла ходить и передвигалась с помощью инвалидной коляски. Я ездила к ней сама, и в ее большом, красивом, увешанном картинами и заставленном книгами доме мы обсуждали проекты крыши и выбирали материалы. В гостиной, где она меня принимала, на одной стене висел городской пейзаж Славинского, а на другой – бурное море Айвазовского. И, подозреваю, – это были не репродукции. Когда все было выбрано и счета оплачены, я завезла ей материалы, – всё, кроме мансардных окон. Десять больших мансардных окон по всей крыше, – отчего в мансарде смело можно было бы устраивать оранжерею. Мне не успел их доставить поставщик, сославшись на огромное количество заказов и перегруженность работы складов.

В пятницу вечером, после тяжелой рабочей недели, я расслабленно сидела в своей комнате с чашкой горячего зеленого чая и наслаждалась тишиной. О подоконник звонко ударила крупная капля, потом вторая, третья. Капли барабанили все чаще и чаще, пока дождь не превратился в ливень. Я сидела и слушала, как струи с размаху бьются в стекло, как завывает воздух, разрываемый миллионами острых водяных стрел.

Была половина десятого. Неожиданно зазвонил телефон. Незнакомый номер. И хоть к поздним звонкам мне было не привыкать, но все же в пятницу вечером, да еще и в такую погоду могли бы и поймать совесть! Я скривила рот, но все же нажала «ответить».

– Алло. Здравствуйте!

– Здравствуйте! – прорычал в трубку мужской голос.

Он представился. Это был муж той самой богатой клиентки, которая передвигалась в инвалидном кресле. Глава какого-то банка.

– Вы знаете, *что* происходит сейчас у нас дома? – голос у него дребезжал, как у человека, который еле сдерживал гнев.

– Нет, – ответила я.

– Наш дом залило через дырки в крыше, где должны были стоять мансардные окна!

Я представила, как в этом прекрасном доме с его отборной библиотекой и дорогими картинами по стенам течет вода. И мне стало страшно.

– Вы не выполнили свою часть договора. Вы нанесли нам ущерб на сотни, десятки сотен тысяч! – кричал он на меня. – Я заставлю вас выплатить все издержки! Вы у меня за все ответите!

В течение получаса я заплетающимся языком оправдывалась, пытаюсь объяснить, что в десять вечера в пятницу и в два последующее выходные дня я ничем не могу помочь. Поток его обвинений и способов надавить на меня был, казалось, бесконечен. Я понимала, что объективно не виновата в ущербе, который понес его дом от дождя. Прорабу на его крыше следовало бы подстраховаться и натянуть клеенку на местах будущих мансардных окон. Но, тем не менее, после этого разговора я все выходные ни на минуту не могла забыть его угроз, с ужасом думая о том, что будет, если в понедельник окна не придут.

В понедельник они пришли, слава Богу! Я сделала им доставку и вздохнула свободно. Но через двадцать минут мне позвонили: оклады к окнам были не тех размеров. Что? Как такое могло случиться? Это была ошибка поставщика. Внутренне сжавшись, я звонила, извинялась перед главой банка, извинялась перед женой, меня снова прессинговали, я ругалась с поставщиком. К концу недели пришли новые оклады. В пятницу я их доставила, в субботу утром мне позвонили и спросили, издеваюсь ли я над ними или, может, у меня есть проблемы и надо помочь? Этого не могло быть, но все же оклады опять оказались не те! Я рыдала, я не верила подрядчикам, которые монтируют окна, тут же поехала на объект, надев темные очки, чтобы скрыть заплаканные глаза. Оклады действительно были другого размера. Поставщик в третий раз подвел меня. За эти две недели я потеряла большую часть своего человеколюбия. Когда наконец были привезены правильные оклады и вместе с ними бутылка мартини в качестве извинения, мне хотелось разбить эту бутылку о голову представителя поставщика.

Или другой случай. В то же лето я продавала кровлю на строящуюся сауну. Курск – город небольшой, и все знали, что эта сауна – не что иное, как будущий бордель, и строят его бандиты. Всё с этой продажей не заладилось с самого начала. В разгар сезона не хватало материалов, не было свободного транспорта для доставки, поставщики тянули сроки. Я старалась, как могла. Когда же, в конце концов, материалы поступили клиенту, один из бандитов позвонил и попросил меня приехать на объект для серьезного разговора. Тон говорившего мне не понравился. С беспокойным сердцем я остановила свою машину у будущего дома терпимости. Яркое светило солнце, мимо люди в купальниках и с полотенцами шли на пляж. А я ждала очередных разборок. Перед выездом я попросила начальника поехать со мной, но он отказался, сославшись на какие-то дела, а по-моему, на самом деле просто испугавшись. Подъехали две черные Тойоты Камри. Как в кино, все дверцы у них одновременно распахнулись, – и из них вышли восемь мужчин бандитской наружности все в черном. Широкоплечей толпой они приблизились и обступили меня. Я оказалась будто на дне темного колодца. Сейчас мне кажется это очень смешным: чтобы запугать меня, хватило бы и одного громилы, но восемь –

уже смахивало на фарс. Клиент, подойдя ко мне вплотную, говорил (точнее, кричал) много, несвязно. Запомнилась только фраза: «Что это за блевотина!» – сопровождаемая жестом в сторону крыши борделя. Когда тела в черных футболках чуть расступились, я смогла в просвете между ними увидеть суть проблемы: коньки и черепица были разных цветов. В течение последующих трех дней, пока с завода везли коньки нужного цвета, этот бандит звонил мне каждые два часа, пока я не потеряла сон и аппетит.

Еще как-то раз я ошиблась в расчетах черепицы. Клиентом оказался глава администрации. Он тоже был очень уставшим и раздраженным, тоже срывался на крик и угрозы. Я ездила в какое-то далекое село, где он прятал свой коттедж от глаз журналистов. И там я полдня беседовала с ним и его подрядчиком-кавказцем, который вдруг почему-то решил, что мне можно делать непристойные предложения. Все закончилось демонстрацией владений, включающих старинную часовню и источник святой воды.

Но как бы хорошо ни заканчивались мои рабочие траблы, нервы мои расшатывались все сильнее. В конце этого лета, глядя на себя в зеркало, я увидела новую упрямую складку вокруг губ, придававшую моему миловидному лицу жесткое выражение.

А сейчас была осень, апогей строительного сезона, когда все стремятся успеть до зимы закрыть свои крыши. Заказов было много. От перенапряжения я похудела и была все время в плохом настроении, – а тут еще добавилась и тошнота.

У Ромы были те же проблемы, та же нервозность, что и у меня. Только в тех ситуациях, когда я впадала в истерику, он прибегал к помощи алкоголя и на некоторое время вычеркивал себя из реальности. Иногда мне казалось, что эта работа дается ему даже тяжелее, чем мне. Первое время мы еще интересовались делами друг друга, старались поддержать, помочь, – сейчас разговоры о работе вызывали в нас только раздражение: «Давай только не об этом, нам что, поговорить не о чем?!» И мы замолкали, дуясь друг на друга, потому что поговорить, и правда, было больше не о чем.

* * *

Наш офис состоял из двух комнат в здании бывшего завода на окраине города. Комната побольше служила выставочным залом, в ней по стенам были развешаны стенды со стройматериалами, по углам стояли макеты крыш, демонстрирующие порядок укладки кровельного пирога, – и здесь же сидели офис-менеджер и бухгалтер. И была комната поменьше, где работали пятеро менеджеров, в том числе и мы с Ромой, и начальник нашего филиала.

Сейчас в менеджерской остались только мы с шефом. Ему был 31 год, и звали его Андрей, но из-за невысокого роста его чаще как в глаза, так и за глаза называли «карапуль». Он не обижался. Он никогда не играл в биг босса, а любил по-простому травить анекдоты в курилке. Курил он много, потому что много нервничал, много суетился, но при этом был мягок и никого ни разу по-настоящему не отругал.

– Даш, – не отвлекаясь от документов, заговорил он. – Я сейчас планирую бюджет на следующий год. Через две недели поеду в Москву его защищать. Мне нужно, чтобы ты подсчитала доход от всех своих клиентов за год и составила план: кто из клиентов останется, кто закончит стройку, кто из клиентов у тебя в перспективе. И подсчитай примерный оборот, какой ты прогнозируешь на следующий год. Но учти: в стране кризис происходит бешеными темпами, многие заморозят стройки.

– Да хоть передохнем немного, – пробубнила я себе под нос.

Андрей оторвался от бумаг и посмотрел на меня.

– Не хочу тебя пугать, но все очень серьезно. Нам придется работать еще больше, чтобы просто продержаться на плаву.

«Куда еще больше? Что станет тогда с моей жизнью?» – с отчаянием подумала я.

– Андрей, а можно задать тебе детский вопрос? – спросила я.

– Давай, – охотно откликнулся он, распрямил спину и потянулся.

– Если б ты мог выбрать одну суперсилу, какую бы ты выбрал?

Он закинул руки за голову и положил ноги на стол. Вопрос, видимо, не показался ему таким уж детским. Он всерьез задумался.

– Наверно... Наверно, я бы хотел уметь внушать мысли.

– И что бы ты внушал и кому?

– Внушал бы клиентам покупать материалы только у нас, и только самые дорогие.

– На которых маржа и бонусы повыше? Но что ты все о работе и о работе? Послушай, ведь ты бы мог стать профессиональным игроком в покер и внушать соперникам мысли о проигрыше. Сидишь, карты плохие, а сам смотришь им в глаза и передаешь мысль «бросайте карты, вам не выиграть!» Так бы ты гораздо быстрее разбогател.

– А кто тебе сказал, что у меня цель разбогатеть?

– А что тогда?

– Спасти фирму, ваши рабочие места и уровень зарплаты.

«Ничего себе, – пронеслось у меня в голове. – Альтруисты действительно существуют».

– А ты бы какую суперсилу выбрала? – спросил Андрей.

Я подумала.

– Хочу читать мысли. Так все было бы гораздо проще. Не было бы внезапных предательств, недосказанности, лжи наконец.

– Да-да, ты права, – задумался он. Но видно было, что мыслями он уже не со мной. Брови его нахмурились, и на лбу прорезалась морщинка. – Даша, подготовь, пожалуйста, до завтра отчет.

– Да, босс, конечно!

Ночь у меня выдалась бессонная. Тишину за окном нарушали только редкие капли дождя, которые били о металлический подоконник. От подушки, словно набитой камнями, ныла голова и шея, каждые пять минут я взбивала ее, – но пух опять ложился булыжниками. Руки и ноги в пустой жесткой постели никак не могли найти удобную позу, заставляя меня переворачиваться с бока на бок без надежды на спокойный сон. Безжалостно не желая отключаться, мозг снова и снова заставлял меня обдумывать одну и ту же мысль: стоит ли мне возвращать Рому? И хотя я чувствовала, что не любила его, хотя сама много раз хотела разорвать эти отношения, сейчас дурацкое чувство собственности не позволяло мне с ним расстаться. Это было унижительно и больно: осознавать, что меня променяли. И на кого? На глупую блондинку помоложе. Внезапно я вспомнила Ромины слова: «Ты постоянно всех критикуешь», – и прикусила язык. Может быть, она и не глупая. И вообще дело не в Ларисе, а в нас с Ромой. И если это я все испортила, я отпугнула его – и, сама того не понимая, подтолкнула думать о другой девушке, – то, значит, я могу и сама все исправить. Я смогу снова наладить отношения. Мне стало легче!

Но ночью мысли бесконечно острее, чем днем, они безысходнее, фатальнее. Забывшись на минуту в полусне, я вдруг вздрогнула от пронзившего меня воспоминания о Роминых поцелуях, прикосновениях его сильных рук и почувствовала панику, осознавая, что это может больше не повториться. Эта мысль повергла меня в глубочайшую пучину безнадежности и мрака. И я опять и опять твердила себе: я верну его!

А еще через пять минут, окончательно запутывая волосы, я металась по подушке от новой мучительной мысли: как, когда я стала такой мелочной и эгоистичной, чтобы удерживать мужчину только ради собственного самолюбия? Он любил. И любил по-настоящему. А я? Что я могла ему дать? Я была в состоянии только брать.

«Даша, – вела я диалог сама с собой, – посмотри на себя со стороны: ты холодная, замкнутая, у тебя сжаты зубы, ты нервная, раздражительная, коллеги почти перестали с тобой общаться. Даже добрейший Коля-программист перестал тебе улыбаться и помогать с компьютером». Но как это исправить?

Я встала с кровати и распахнула шторы. За окном была темнота. Только далеко, сквозь пелену дождя, светило несколько фонарей. На их фоне качались черные кривые ветки деревьев. Осень началась сразу с холода и слякоти. Когда все пошло не так? Я же всегда была милой, приветливой, искренней девочкой. Я же хотела помочь всем, я любила всех: людей, животных, природу, целовала ярко-зеленые только что распутившиеся листочки.

Я прошла на кухню и сделала себе горячего чая. Надеюсь, что тепло разморит меня, и я смогу заснуть. Но едва легла в постель и закрыла глаза, – все те же мысли бесконечным хором снова закружились у меня в голове. Бессонница вручила мне огромную ложку, которой я нещадно ела себя.

* * *

Вечером следующего дня я напросилась к Роме в гости.

Хочу здесь сделать небольшое отступление, чтобы исправить свою оплошность и все-таки обрисовать, хотя бы в общих чертах, мужчину, который заставил меня так переживать. Роме было 29 лет, он был худощавым, высоким и имел давнюю привычку сутулиться, пытаясь казаться чуточку ниже. У него были светлые глаза, русые волосы и чувственные губы, на которых часто играла ироничная усмешка. Смотрел он немного исподлобья и прищурившись, как будто боялся, что люди могут слишком глубоко заглянуть в него через широко открытые глаза. Один-два раза в неделю Рома ходил в спортзал, отчего мускулы на его руках были приятно каменными.

Порой смотрела я на него, – и даже казался он мне похожим на красавчика Сойера из сериала «Остаться в живых». Но к чему такой самообман? Рома не был настолько красив: скажу честно, ноги у него были кривоваты, походка, как у старого ковбоя, не привыкшего ходить по земле, ладони, как огромные крестьянские лопаты, да и в лице не было столько притягательной уверенности в себе, отсутствовали даже ямочки на щеках, как у Сойера. Но было у Ромы свое обаяние. По крайней мере, женщины считали его сексуально привлекательным. Я думаю, что женщины просто чувствовали его опытность и искушенность в сексуальной сфере (как-то еще в начале наших отношений Рома мне хвастался, что практика в этом деле у него до встречи со мной была достаточно обширная). И здесь мне надо бы остановиться в его описании, но я уже не могу. Он был сумасшедшим любовником! Бурный темперамент и дерзкий характер делали его страстным и нежным, так что колени подкашивались от одних только поцелуев, а его ночные ласки разбивали в пух и прах все мои самые эротические девичьи фантазии.

Была у Ромы еще очень достойная черта – он был отзывчив, и когда случались с кем-то из его знакомых неприятности, он первым бросался им помочь и даже, если надо, одолжить денег. Хотя с теми же самыми знакомыми бывал он обычно саркастичен и едок и любил подтрунивать над ними по всяким поводам.

Что ж, надеюсь, что какой-то более-менее понятный портрет у меня получился.

У Ромы была своя однокомнатная квартира в старом, советской постройки доме на Мурыновке. Он жил там один, и порой я оставалась у него ночевать. Почти год назад он затеял в квартире капитальный ремонт. Наверное, хотел, чтобы по завершении ремонта я к нему окончательно переехала. Но ремонт затянулся, заниматься им Роме было особо некогда, поэтому через год была отремонтирована только ванная, настелены полы и поклеены обои в комнате. Из мебели стояли старый диван и два кресла, которые Рома все собирался выбросить и взамен им купить новые. Но руки никак не доходили. Одежда его была сложена на кресле,

на полу стоял телевизор и лежал ноутбук. Мне всегда было неудобно в этой пустой холостяцкой квартире.

Рома повернул ключ в замке, и дверь резко распахнулась от образовавшегося сквозняка. Видимо, утром перед выходом Рома поставил окно на проветривание. Осенний ветер резво пробежался по комнатам и пахнул мне холодом в лицо. Я сняла плащ. Но повесить его было некуда: Рома так до сих пор и не купил шкаф в прихожую или хотя бы простую вешалку.

– Захвачу в следующий раз с собой гвоздик и молоток, – пошутила я, вертя плащ в руках, – прибью тебе крючок у двери.

Он не засмеялся, забрал мой плащ и унес его в комнату.

– Я видела очень хорошие прихожие в интернете, – я подумала, что он мог обидеться на мою шутку, и решила обернуть ее в заботу и предложение помощи. – С зеркальными дверями. Ты сможешь видеть себя с головы до ног! Слышишь?

Он наконец обернулся ко мне и улыбнулся.

– Ты что-то перепутала, Даш. Видеть себя с ног до головы в зеркале – это не моя мечта.

Я прошла за ним в комнату.

– Там были и другие варианты. Я пришлю тебе ссылку, – посмотрю.

– Обязательно. Как скажешь, – усмехнулся он.

Окно в комнате до сих пор было открыто. Я почувствовала, как моя кожа покрывается пупырышками от холода.

– Ром, можешь закрыть окно? А то как-то очень прохладно, – попросила я.

– А по-моему, душно, – он посмотрел на меня в упор, и в его глазах забегали насмешливые огоньки.

Он дразнил меня. Он явно хотел меня раззадорить.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Рома, ты вчера сказал мне, что я эгоистка, – медленно проговорила я. – Я об этом думала. И вот к чему пришла. На самом деле, эгоисты мы оба. Ты хочешь одного, я другого, – и мы не можем друг другу уступить. Как вот сейчас с этим окном.

Рома все-таки закрыл форточку. Потом повернулся ко мне, поморщился и, не отходя от подоконника, будто нехотя начал мне отвечать.

– Если бы ты год, полгода, даже несколько недель назад намекнула, что тебе холодно, я бы несея закрывать это окно, переворачивая кресла, со скоростью хренова Флеша. Даша, если я сегодня и веду себя так, то все благодаря тебе, ты заставила меня тоже быть эгоистом.

«Да никто тебя не заставлял!» – хотелось мне крикнуть ему. Но я промолчала, ведь я пришла сюда не ругаться, а, наоборот, налаживать отношения. Разговор пошел не в то русло. Мне надо успокоиться и попытаться все исправить. По напряженному лицу Ромы я не могла понять, готов ли он к дальнейшему диалогу и примирению или, возможно, он уже окончательно решил для себя расстаться со мной, и будущие объяснения только вызывают у него раздражение.

– Ладно, – сказала я вслух. – Я тут купила мартини. Предлагаю выпить и немного расслабиться, а то мы, как два уличных кота, сцепились и непонятно что делим!

Я улыбнулась как можно милее и достала из сумочки увесистую бутылку.

Рома посмотрел на мартини и опять усмехнулся.

– Ну что, неси бокалы! – я постаралась произнести это весело.

Он отошел от подоконника и медленно пошел на кухню. Через пять секунд он вернулся с одним бокалом. Налил мартини и подал бокал мне. Повисло напряженное молчание.

– Ром, почему один бокал?

Он насмешливо посмотрел мне в глаза.

– Ты принесла свой любимый напиток, ты хотела его выпить. Так пей! Ты же не для меня мартини покупала. Если бы ты думала обо мне, то вспомнила бы, что я мартини не пью, я люблю другие напитки.

Я растерялась от того, что он был прав. В магазине я даже не подумала о том, чего хотел бы он. Я любила мартини, и поэтому я купила его.

– Рома, – я тщательно подбирала слова, – да, я помню, что ты любишь напитки покрепче, но я не стала покупать ничего крепкого специально, чтобы...

– Да, я алкоголик, ты права, – перебил он меня. Он сказал это равнодушно, поморщившись, словно от усталости и бессмысленности нашей беседы. Снова отошел к окну, за которым уже стояла непроглядная темнота, и остановился спиной ко мне. Разговор зашел в тупик.

Алкоголь – это был наш вечный камень преткновения. Когда Рома пил, он вел себя неадекватно. Он не умел вовремя остановиться и уехать с вечеринки без скандала и позора. Каждый корпоратив или день рождения превращался для меня в ад. Он мог заснуть в углу в чужой прихожей или раздеться и продемонстрировать всем свои бицепсы, или еще хуже, – кого-нибудь оскорбить и затеять драку. Почему с ним, в общем-то добрым и отзывчивым парнем, такое происходило, я не могла понять. Когда он напивался, я посылая его ко всем чертям и уезжала, чтобы не сгорать от стыда за тот бред, что он вытворял.

Я глухо спросила:

– Зачем ты это делаешь, Ром?

– Что делаю? Пью? – он даже не повернул головы.

– Не оставляешь мне шансов. Ты же видишь, как я всеми силами пытаюсь наладить отношения, переношу твои уколы... А ты каждую мою попытку рубишь на корню. Ром, если ты хочешь расстаться, скажи прямо. Что ты уходишь от разговора?

Наконец он повернулся и дал волю эмоциям:

– От какого разговора? Я не понимаю, о чем ты хочешь со мной поговорить. Ты ведешь светские беседы про окно и мартини, я отвечаю тебе, как могу. Прости, что я сегодня совсем не любезен. Ты говоришь, расстаться? – он начал возбужденно мерить шагами комнату. – А мы когда-то по-настоящему были вместе? Я два года, как дурак, бегал за тобой, а ты иногда свысока, когда была в хорошем настроении, позволяла любить себя! Я выдохся уже весь, понимаешь? Да мне уже все друзья говорят: Рома, перестань себя изводить! Разве я не вижу, как ты ко мне относишься, что ты на самом деле считаешь меня ублюдком и мразью!

Я сжалась в кресле, шепнув на это лишь:

– Рома, я даже слов таких не знаю.

– Ты ни разу не простила мне ни одной ошибки, – его прорвало, и он захлебывался словами, выплевывая их на меня. – Я только споткнулся – ты первая смеешься и смотришь на меня, как на придурка, а я себя полным дерьмом чувствую! Я из кожи вон лез эти два года, чтоб у нас с тобой что-то получилось. Но куда мне, плебею и алкоголику! Даша, как же ты умеешь презрительно посмотреть! Ты бы видела этот свой взгляд со стороны! Мне после него хотелось только забыться, напиться и сравнять себя с навозом, каким я и был в твоих глазах.

Он сел в кресло, выпил залпом мартини из моего бокала и снова замкнулся в себе. Опять возобновилось тягостное молчание. Я пожалела, что пришла.

Некоторое время никто не проговорил ни слова.

– Я никогда не считала тебя навозом.

Он усмехнулся.

– Даш, у тебя есть какая-то психологическая проблема: ты отделена стеной от мира, от людей. То ли ты считаешь себя лучше других, то ли вообще других людей не замечаешь. Ты не прощаешь людям обычных земных недостатков: тупости, неудач, слабости, зависимости. Даша, а вот нет идеала, – не найдешь ты! Ты живешь в каком-то своем иллюзорном мире, которого не существует! Еще и этот твой «Серебряный век»! Такое ощущение, что мертвых

ты любишь больше, чем живых! Хотя и они тебе нужны только для собственного «внутреннего мира», осознания своей начитанности, просвещенности. Ты зациклена на самой себе!

Он замолчал на секунду, чтобы передохнуть и подыскать дальше слова.

Слабо улыбнувшись, я сказала:

– Я спросила у всех своих друзей – и они сказали, что я не эгоистка.

Он хрипло засмеялся.

– Мне тоже друзья, когда я их спрашиваю, говорят, что я не дебил, но я-то знаю, что это не так!

– Как ты самоироничен... – у меня остался последний вопрос к нему. – Ром, ты сейчас так красиво разобрал по косточкам мой высокомерный эгоистичный характер. И получается, что именно я все испортила. Может быть, так и есть. Но существует одна деталь, которую ты почему-то обходишь стороной. Ее имя Лариса. И она тебе явно нравится. Я знаю, что ты подвозишь ее домой после работы, уж не знаю, чем вы там еще занимаетесь...

Его кулаки сжались, а на шее выступили крупные вены.

– Ничего у меня с ней нет! И ни разу ничего не было, даже мысли! Ты так ничего и не поняла! – он обхватил свою голову руками, сделал два очень глубоких вдоха, потом резко снова принялся шагать по комнате. – Даш, я так тебя любил! Я руки себе до крови кусал, ночами не спал, головой о стену бился из-за того, что ты меня не любишь! Мне так плохо было! Но у тебя нет сердца! До тебя невозможно достучаться! Ты вообще любить не умеешь! Я разлюбил тебя! Всё! Даш, уходи лучше, прошу!

Я испуганно наблюдала за его передвижениями по комнате, ошалев от его крика. Вместо того чтобы встать, я еще больше вжалась в спинку кресла.

– Уходи! – он подлетел ко мне и своей огромной ручищей хотел поднять меня из кресла.

Я инстинктивно дернулась, как будто уклоняясь от удара. Он понял, что напугал меня, убрал руки и, чеканя слова, произнес:

– Даша, я прошу тебя, пожалуйста, поезжай домой!

Я не шевелилась. Он сделал шаг в сторону от кресла и показал на выход. Я встала, взяла свой плащ и вышла за дверь.

Я ехала домой со смешанным чувством горечи из-за того, что сделала ему больно, и удовлетворения от того, что он меня так сильно любил. Я снова прокручивала в мыслях его едкие слова. И он был не прав! От обиды он хотел унижить, оскорбить меня. Но, Рома, ты был несправедлив!

Я умею любить! Лет с двенадцати я чувствовала в себе огромную способность любить, моя душа разрывалась от переполняющего ее чувства. Я знала, что буду отдавать всю себя любимому человеку, я буду благодарна за каждую минуту рядом с ним, за каждое прикосновение и каждый взгляд! И я ждала, ждала этой встречи, любовь душила меня ночами, и я плакала от невозможности выплеснуть ее, подарить кому-то. Я писала стихи, танцевала, красила волосы – всё ради любви. Много лет. Просто, Рома, это оказался не ты! Я не виновата, что так получилось. Просто, это не ты! Прости!

Иллюзорный мир, стена... Сколько пафосных фраз! Рома, просто я интроверт, поэтому я замкнута в себе, я не люблю вести пустые разговоры на общие темы. Чем больше ты открываешь свой внутренний мир людям, для которых он не важен, тем сильнее ты обесцениваешь себя и в их, и в своих глазах. И – нет, я не считаю себя умней других! Куда там! Я, наоборот, очень остро понимаю, как жалок мой интеллект. Зациклена на себе... Опять про эгоизм. Рома, может быть, совсем немного, чуть-чуть ты здесь прав. Видишь, я честно признаю свои недостатки и готова работать над ними! Я буду внимательней к другим. А «Серебряный век»... Ах, Рома, что бы ты в нем понимал! Вот ты, например, любишь водку, а я – «Серебряный век»!

* * *

Я поставила машину в гараж, закрыла его на ключ и пошла по темному холодному двору к дому. Было уже начало десятого. В темной глыбе многоэтажки, круглогодично обдуваемой со всех сторон ветрами, почти во всех окошках горел свет, – призрак того, что там кто-то ждет и любит. Едешь вечером по городу, смотришь на высотки, маленькие желтые квадратики, светящиеся на темном фоне, и думаешь, что каждый этот квадратик – это особая история, индивидуальная, непохожая на другие, жизнь. В каждом таком квадратике свой маленький мир с его мечтами и страстями, пространство, в котором живут несколько человек, называемые семьей, живут по своим законам и правилам. И чаще всего каждое такое желтое окошко – это отдельная семейная драма.

Дома пахло гречкой. Я включила свет в коридоре и стянула ботильоны. Мама в зале за чуть приоткрытой дверью смотрела телевизор. Судя по звукам, шел какой-то русский деревенский сериал. Мама их обожала.

– Кто там? – крикнула она.

– Мам, это я! Ну кто к тебе еще придет? – буркнула я в ответ.

Она промолчала, – и я прошла в свою комнату, мое маленькое убежище, где я могла уединиться и отдохнуть от людей. Мама называла мою комнату кельей: «Опять бежишь в свою келью прятаться? Иди лучше с людьми пообщайся, книгоедка!» Однако с книгами мне действительно было приятней. Комната моя, конечно, не была абсолютным убежищем, так как ставить замок на двери мне никто не разрешал. Мама могла в любой момент вторгнуться сюда, что она постоянно и делала, объяснять ей что-либо про личную территорию было бесполезно.

Пока я переодевалась, мама выключила телевизор и крикнула из коридора:

– Ты есть будешь?

– Да, – ответила я.

После бутербродов с чаем в обед я больше ничего не ела.

Она наложила мне в тарелку гречку и отварную куриную грудку. Она всегда готовила очень простую еду, – ту же, что и двадцать, и тридцать лет назад. Хорошо хоть не ту же, что ее мама, моя бабушка. Бабушкин кулеш из картошки и проса я не забуду никогда.

– Спасибо! – я взяла вилку и начала есть.

Мама не уходила, она стояла и смотрела на меня. Мне стало неловко и тревожно: она снова хочет поговорить со мной о чем-то «серьезном».

Начала она резко и сразу на повышенных тонах, видимо, заранее готовилась к моему приезду.

– У нас продукты заканчиваются! Масло подсолнечное в супермаркетах подорожало почти вдвое! Я уже не говорю о колбасе, сыре и мясе, скоро я перестану совсем их покупать! Ты хоть цены знаешь? Денег, что ты мне даешь, хватает на два раза в магазин сходить! Ты смотришь чеки, я каждый раз тебе на столе оставляю? Не смотришь, да?

Несколько лет назад моя мама по болезни была вынуждена преждевременно уйти на пенсию. Года три, когда я еще не работала, а только училась в институте, мы даже жили на ее пенсионное пособие и мою стипендию. Это были очень тяжелые времена, когда мы перебивались с картошки на макароны, а от самого дешевого «Семейного» шампуня в литровой упаковке у меня сыпалась перхоть. Теперь, когда я работала, я каждый месяц давала ей деньги на продукты.

Сейчас я слишком устала и молчала. Я ненавидела ее манеру начинать разговор с крика и упреков. Ну почему же нельзя спокойно и по-человечески со мной разговаривать? Я ведь не идиотка, не глухая, я и так все понимаю и слышу.

– Я тебе сейчас принесу покажу квитанции за газ и за свет! Ты ж даже не знаешь, сколько я плачу каждый месяц! А тарифы все растут и растут! Ты меня хоть слышишь?! Я с тобой разговариваю!

– Мам, умоляю тебя, не кричи. Можно я спокойно поем? – я честно пыталась держать себя в руках.

Но мама целый день накручивала себя для этого разговора. Ей очень хотелось доказать мне, что я не права, хотелось выплеснуть все, что у нее накопилось. И я молчала, пережевывала гречку и ждала, когда она исчерпает свои запасы ругани.

– Кого я родила? Не дочь, а изверг! Даже разговаривать со мной не хочет! Да придиись ты на моего отца и мать – давно б за волосы оттащали! Слова пикнуть не смела б! Ни любви у нее, ни нежности, только машину свою день и ночь намывает! Я целыми днями лежу больная, жду ее с работы, а она придет и молчит, как зверь, хоть бы когда слово от нее доброе услышала!

Подобные истерики у нее случались часто. Поводы бывали разные: я не помогла по дому, я оделась, как проститутка, я устроилась не на ту работу, я захотела купить машину, на которой скоро разобьюсь, и, как сегодня, – я даю мало денег. По-видимому, я была самой ужасной дочерью в мире.

Сейчас она завелась не на шутку. Может быть, в течение дня произошло еще что-то, что испортило ей настроение? Но после разговора с Ромой у меня не было сил даже расспросить ее, что случилось. Хотелось только одного: закрыться у себя в комнате от ее криков, от всего мира и лежать на кровати, уставившись в потолок.

Мама не унималась. Она пустила в ход тяжелую артиллерию – психологический шантаж. Применяла она его достаточно часто, но, несмотря на это, он до сих пор действовал на меня.

– О, Господи! Когда же ты забереешь меня отсюда? – она начала причитать и плакать, растирая слезы по щекам. – Не могу больше жить! Забери, прошу, чтоб я не мучилась! Это не жизнь, это кара! За что Ты так наказал меня?! Растила как ребенка, воспитывала, а выросла сволочь! Пусть посмотрит, как жить без меня! Чтоб локти себе кусала! – она поднимала рукава халата, оголяя локти и показывала, как я должна их кусать.

Больше я не выдержала. Еще чуть-чуть, и я бы сама начала вопить на весь дом. Я достала из сумки кошелек и подошла к ней. Она глотала успокоительные таблетки. Хотелось выть от тоски и тоже глотать ее таблетки.

– Сколько денег надо?

– Пошла вон со своими деньгами!

– Тысяча, две?

– Убирайся с глаз моих! – она в истерике затопала ногами.

Я попыталась положить две пятисотрублевые банкноты на стол, она швырнула ими в меня. День сегодня не задался. Так и хотелось крикнуть в ответ: «Прекрати издеваться надо мной! Ты думаешь, мне легко? Думаешь, мне не хочется орать и крушить все вокруг? Зачем ты оскорбляешь меня? Чего тебе от меня нужно? Понимания? А ты меня хоть раз поняла?»

Но я молчу, потому что моя мама психически нездорова. После смерти папы десять лет назад у нее случился нервный срыв, так что ей даже пришлось лечь в клинику. С тех пор ее преследует постоянная тревога, часто она не дает ей спать, мама ходит по ночам от окна к окну и пьет успокоительное. Она видит мир в темных красках, у нее бывают приступы удушья от страха перед будущим. Во всем и везде мама видит подвох, жизнь представляется ей сплошным страданием и болью. Она очень пессимистично настроена и по поводу моей дальнейшей судьбы, она не верит, что у меня что-то получится: создать счастливую семью, зарабатывать денег. Она не верит в меня. Ее любовь и забота обо мне выливаются в крик и оскорбления. И я ничего не могу с этим поделать.

Я очень хочу не обижаться на нее. Я постоянно напоминаю себе, что она не виновата, это ее болезнь заставляет ее срываться на меня как на единственного близкого ей человека. И я

вроде бы прощаю. Но как только она оскорбляет меня снова, все самые тяжелые воспоминания вихрем взвиваются в моей памяти, и я снова переживаю моменты унижения, и опять злюсь. Порой ей даже не надо в очередной раз кричать на меня, я просто хватаюсь за какую-то мелочь, внезапно всплывшую из глубин моего сознания, – и сама накручиваю себя. Наверное, у меня проблемы с прощением.

Я не доела гречку и ушла в свою комнату. Еще некоторое время я слышала, как она всхлипывает и причитает уже негромко. Будто какая-то невероятная тяжесть свалилась на меня и придавила к кровати, я лежала не в силах пошевелить и пальцем.

Мне бы стоило давать ей больше денег на еду и коммуналку, но я не давала.

* * *

Сегодня был мой день рождения. Бабье лето никак не наступало. По-прежнему дул холодный сырой ветер с северо-запада, продувая меня насквозь в моем тоненьком пальто, когда я выходила из машины. Приходилось закалывать волосы, чтобы их не трепало по лицу. Небо было серым, затянутым тучами, и не хотелось праздновать, веселиться, устраивать шумную вечеринку. Мой день рождения приходился на сентябрь. Обычно в эту пору года все вокруг горело яркими красками: красно-желто-зеленые деревья в парках, золотые шуршащие листья под ногами, ярко-голубой воздух с запахом дымка или тумана. Последнее жаркое солнце манило в спокойную пешую прогулку по городу. Оно танцевало прощальными бликами на стенах и стеклах домов; цикл времен года благополучно заканчивался, время замедлялось, принося в жизнь умиротворение и расслабление. А в этом году сентябрь принес в город лишь холод, грязь и тяжелую каменную серость. Наверное, какой-то циклон. Или антициклон... Я в этом не разбираюсь.

После расставания с Ромой прошло несколько дней. Несколько серых, ветреных, апатичных дней, когда ты вроде как не живешь, потому что ни в тебе, ни вокруг тебя жизни нет, а есть мертвый холод и безразличие. Они пробираются к тебе в легкие с осенним воздухом и отражаются в глазах заунывной скукой. Да, после расставания с Ромой меня затянула скука. С каждым днем я все глубже погружалась в апатию, как в зыбучее болото. С Ромой всё же было повеселее.

Зато хандра и уныние были неведомы Ларисе, нашему офис-менеджеру. Каждый раз, когда я слышала из соседней комнаты ее громкий и резкий, как взрыв петарды, смех, что-то сжималось у меня внутри и хотелось лишь тоскливо подвывать этому звонкому хохоту. С Ромой мы не общались. Он все время уезжал из офиса на деловые встречи. Или уезжала я. Или мы сидели, уставившись в компьютеры, или, – очень редко, – слушали болтовню толстого грузчика Лёни, комичного персонажа, живописно рассказывающего нам о том, как он мирил бандитские кланы во время разборок или устраивал на престижную работу малолетних блудниц: абсолютно бескорыстно, из заботы об их счастливом будущем. Леня прищуривал при этих рассказах хитрые, темные, как маслины, глаза и смаковал пухлыми губами каждую деталь своего рассказа. Рома, если бывал в хорошем настроении, высмеивал его, и между ними возникала словесная перепалка.

– Однажды мой братишка попал в трудную ситуацию и решил купить себе оружие: просто на всякий случай, чтоб подстраховаться, – рассказывал Лёня. – Ему привезли два коротких ружья. И были они явно антикварные. На каждом прикладе на медных пластинах были выгравированы картины: всадники на вздыбленных лошадях, рядом женщины, горы на горизонте, – все это в завитушках, которые идут к курку. А курок тоже не простой, а в виде какой-то птицы. Стволы литые, тоже из меди, покрытые благородной патиной. А заплатил за эти ружья братишка какие-то копейки. Я еще тогда подумал, что они, наверное, краденые.

– Подожди, – прерывает его Рома. – Ты эту историю больше никому не рассказывал? Помоему тебя обворовали. Один мужик, Гай Ричи, срубил на ней миллионы.

– Слышишь, – обижается Лёня, – ты дослушай сначала, а потом вставляй комментарии. Вообще не такая история!

– Лёня, продолжай, интересно же! – прошу я.

Лёня поднимает брови и трясет головой, как незаслуженно оскорбленный.

– Ты вообще хоть раз антикварное ружье видел? – не может успокоиться он и нападает на Рому.

– Бабка говорит, у моего деда такая берданка была, что бабы со всей деревни заходили посмотреть. Но я не застал, так что не видел!

– Да иди ты! – смеется Лёня, и его живот трясется, как холодец.

Хоть размерами Лёня и превосходил всех мужчин в офисе раза в полтора, в свои двадцать два года был он совсем еще пацаном-подростком с подростковыми интересами, разговорами и обидами. Юношеский максимализм его проявлялся в показной демонстрации своего мнения о людях. Андрею он каждый раз намекал на его маленький рост, шестидесятилетнему завсклада – на его старость. Пытался он и у Ромы найти слабое место, но с ним оказалось сложнее. Самой сильной Роминой слабостью, как мы уже знаем, был алкоголь, но Лёня эту слабость абсолютно разделял. Даже, несмотря на то, что родители время от времени пытались Лёню кодировать, любовь к алкоголю всегда побеждала! Так что по отношению к Роме он мог демонстративно проявлять только свою солидарность, посмеиваясь над его шутками.

Вообще штат у нас был очень маленький – всего восемь человек. Кратко представлю их, так как дальше они тоже будут упоминаться в моем рассказе.

Антонина Ивановна: достойнейшая женщина за 45, наш бухгалтер. Была она невысокой, располневшей, улыбающейся и приятной во всех отношениях дамой. Как и все бухгалтеры, она обладала свойством в любых ситуациях оставаться невероятно спокойной и невозмутимой, как швейцарский банк. Антонина Ивановна казалась мне тихой гаванью, причалом безмятежности и покоя. И кстати, кресло у нее было выше и мягче, чем у начальника филиала Андрея.

Милый, скромный, от всего смущающийся Коля-программист. Был он худой с рыжеватой бородой, ясными голубыми глазами и тонкими белыми, почти женскими руками.

Завсклада Родион – напарник Лёни. Вместе они составляли комический дуэт, как Штепсель и Тарапунька или Дон Кихот и Санчо Панса. На публике их любимым делом было – разыгрывать комедию в лицах на тему «молодой и старый». Родиону было шестьдесят, и выглядел он как типичный русский работяга: худой, с впалой грудью, опущенными плечами, в джинсах и спортивной олимпийке начала 90-х. Но, несмотря на вид работяги, работать Родион не очень любил, а любил сидеть в конторе, пить кофе, жаловаться на жизнь и упрекать всех вокруг, что у него три дочери и жена, которых надо кормить и одевать.

И я уже рассказывала об офис-менеджере Ларисе и начальнике Андрее.

Для этих семерых человек сегодня я накрывала праздничный стол. Была у нас в офисе такая традиция: угощать всех в день своего рождения.

На обеденном перерыве я заехала в супермаркет и купила три пакета продуктов. Там было все: копченые куры, салаты, колбасные и сырные нарезки, красная рыба, консервированные и свежие овощи, фрукты, соки, вино, мартини и коньяк для мужчин. Я довезла все это в тележке до машины, переложив на заднее сиденье и на секунду остановилась. Я кое-что забыла. Щелкнула сигнализацией, вернулась в супермаркет и докупила водку.

Вечером после работы Антонина Ивановна с Ларисой помогли мне сервировать стол. Мониторы были переставлены, папки с бумагами заброшены на верхние полки, а на всю комнату пахло копчеными курами и свежими огурчиками. Родион уже давно сидел на стуле напротив и глубокомысленно наблюдал за приготовлениями, забросив ногу на ногу.

– Что ж вы так тонко колбасу режете? Она же просвечивается у вас! Какой смысл от такой колбасы?

Одновременно пришли Коля, Андрей и Леня. Настроение у всех было приподнятое. Самая чистая и простая радость в жизни – свежая вкусная еда – сейчас лежала перед ними на белых бумажных тарелочках, аккуратно порезанная и разложенная, как в ресторане, а главное, доступная и бесплатная.

– Так, кур ставь сюда, поближе, колбасу тоже! – уже занял место за столом Родион.

Из-за его возраста мужчины звали его то – Дункан Маклауд, то Мафусаил, то еще как-то, будто соревновались друг с другом в придумывании кличек для Родиона.

– О нет, только не к Адаму-прародителю, он же сейчас начнет колбасу по карманам рассовывать для потомства! – придержал Лёня Лорину руку, уже готовую передвинуть тарелки.

– Родион, давай в бумажку несколько кусочков колбасы заверну – хоть деток порадуешь!

– Да ну вас всех, – отмахивался он. – Чушь несете какую-то! Чтоб вы жили на мою зарплату и было бы у вас трое детей...

– Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли! – вставил цитату Леня.

Из его рта, как из рога изобилия, хотя, скорее, – как из дырявого решета, неправдоподобные истории сыпались вперемешку с фразами из фильмов, шутками из «Камеди клуб» или, вот как сейчас: цитатами из классики.

– Начальник, ты куда Ромчика отправил? – спросил Лёня, разливая по первой рюмке.

– Понятия не имею, где он. Позвони – спроси!

– Будем начинать без него или подождем? – спросила Лариса.

Я посмотрела на нее. Она сидела улыбающаяся и цветущая, в розовой блузке с большим бантом на шее, и не было в ее глазах никаких мутных теней, сомнений, переживаний. Интересно, строит ли она серьезные планы на Рому, примеряет ли его мысленно к себе, представляет ли, как они будут жить вместе? Или для нее это просто ничего не значащий флирт, игра, буйство молодых гормонов? Вот она кладет в рот маслину, пережевывает и выплевывает косточку. Может, так же она пережует и выплюнет Рому? А может, я сужу сейчас по себе? Ведь если слушать Рому, именно я пережевала и выплюнула его. Я отвожу взгляд от Ларисы.

Рома приехал, когда со стола была сметена половина еды. Мужчины первым в расход пустили мясо, девочки – салаты. Мартини и коньяк успели по третьему разу обновиться в стаканах. Рома зашел, покачиваясь, с глупой улыбкой на губах. Он был уже в стельку пьян. За спиной он прятал коробку конфет. Прятал плохо, потому что угол ее все же торчал из-за куртки.

– Дашенька, – он улыбался смущенно и нагло одновременно. – Дашенька, с днем рождения! Иди же сюда! Это тебе! Полчаса искал самые лучшие по всему Курску.

Я встала со своего места.

– Дай поцелую!

Он, вытянув губы, стал приближаться ко мне, я брезгливо отстранилась:

– Ты пьяный, перестань!

Он засмеялся и, пошатнувшись, схватился за стул:

– Ну а за стол хоть пригласишь?

– Конечно, проходи.

Я распаковала коробку и поставила между салатом и курицей. Шоколадные трюфели, посыпанные кокосовой стружкой, – одни из моих любимых конфет. На душе было тревожно. Двухлетний опыт подсказывал мне, что сегодня будет скандал.

Рома повесил куртку на вешалку и заплетающимися ногами добрался до единственного свободного места. Так получилось, что мы оказались друг против друга. Мы встретились взглядами, между нами было всего лишь пятьдесят сантиметров стола. Это длилось каких-то две секунды, больше я не выдержала и опустила глаза. Он хмыкнул, потянулся за стаканом и неча-

янно задел под столом мою коленку своей. Меня бросило в пот, я подтянула свои ноги под стул и сжалась. Рома, не стесняясь, налил себе полстакана водки и снова взглянул на меня. Что выражали его взгляды, я не могла понять.

Начальник поднял тост: за коллектив, за дружбу, удачные проекты, выполнение месячного плана.

– Стоп! – громко перебил его Рома. – Ну что ты завел опять эту свою музыку? Песня та же, поет она же... – он неодобрительно посмотрел на Андрея. – У Александровой сегодня день рождения! Вот за что надо пить! Даша, за тебя! – Рома встал, держась за край стола, и выпил залпом, ни с кем не чокаясь. Его штормило.

Все тоже выпили. Добрый Коля с ясными голубыми глазами и тонкими женственными руками потянулся за шоколадным трюфелем.

– А ну руки убери! – вдруг гаркнул Рома и попытался хлопнуть Колю по ладони, но промахнулся. – Не тебе куплено! Это самые любимые для Александровой! Даша, у тебя же сегодня день рожденья! Даша, за тебя! – он еще раз опрокинул стакан.

Андрей ухмыльнулся:

– Я не понял, почему никто не выучил домашнее задание? Почему один только Ковалев весь день готовился?

Надо сказать, что за годы совместной работы к неадекватному поведению Ромы все привыкли, поэтому молча отводили глаза и старались не цеплять его в таком состоянии. Рому любили в офисе и готовы были терпеть даже его пьяные странности. Антонина Ивановна прощала Роме все за его обходительное отношение, за конфеты, за безотказность в помощи, за то, что подвозил с работы, когда муж не мог заехать. Грузчик и кладовщик просто не видели ничего плохого в его запоях, а Ромина бесхитростная привычка говорить всю правду в лицо вызывала у них безграничное уважение. Они были преданны Роме, как французская армия Наполеону. Начальник был толерантен, он сам любил время от времени выпить и погулять, к тому же Рома неплохо справлялся со своими должностными обязанностями. Когда Рома перегибал палку в дерзостях, Андрей звал его выйти для серьезного разговора – и мягко, с понимающим выражением лица просил его успокоиться и поехать домой отдохнуть.

Я почувствовала себя очень неудобно, у меня вдруг пропал аппетит. Рома тоже почти ничего не ел, хотя Антонина Ивановна и положила ему на тарелку два вида салата и мясную нарезку. Он налил себе в который раз и встал, чтоб снова произнести тост.

– Александрова, сегодня твой день! Сегодня все разговоры о тебе! Хотя я все, что хотел, уже высказал тебе неделю назад. Надеюсь, ты не обиделась. А теперь внимание! Хочу всем сказать. Даша, я тебя два года любил! А теперь разлюбил! – он глупо засмеялся и пролил водку.

Все молчали, никто не пил. Я посмотрела на Ларису – она спокойно сидела, потупив глаза в стол, так же, как и все. Ни один мускул на ее лице не дрогнул, брови ее не приподнялись, а губы не пошевелились. Она была бесстрастна, будто ее это совсем не касается. И у меня zakралось сомнение: а может быть, Рома сказал мне правду, и у них действительно ничего нет?

Рома раскачивался над столом, как огромная мачта во время шторма. Одной своей большой жилистой рукой он вцепился в плечо бедному Коленьке, чтоб не упасть, другой держал стакан. Коля испуганно поморщился, но плечом не повел, а даже будто напряг его, чтобы Рома крепче держался.

– Даша, с днем рожденья!... Может, поцелуемся? – Рома даже начал отодвигать стул, чтоб выйти.

– Рома, я прошу тебя, перестань! Ромочка, сядь, пожалуйста!

Он неприятно захихикал.

– Вы слышали, она назвала меня Ромочка! Первый раз за два года она назвала меня Ромочка!

Никто не комментировал. Я вышла из-за стола и стала одеваться. Оставаться здесь дальше не имело смысла. Хотелось только поскорее забыть все произошедшее.

На темной холодной улице не было ни души, только скрипели переворачивающиеся пластинки на рекламном щите над стоянкой. Рома догнал меня у машины. Я услышала его голос и обернулась, он ковылял ко мне в свете фонаря.

– Даша, уже? Даже не обнимешь на прощание?

– Ром, прекрати!

– Ты знаешь, что я пью из-за тебя?

– Нет.

– Только потому, что ты меня не любишь.

– Ерунда какая-то.

– Я говорил тебе, что ты эгоистка?

– Сто раз.

– Ты бесчувственная эгоистка! Господи, зачем я веду себя, как дурак?!

– Ты прав. Хватит позориться.

Я села в машину. Он остановился возле дворца.

– Ну пока!

– Пока.

На самом деле, мне было больно! стыдно за него и очень больно! Сердце сжималось. Зачем он так ведет себя? Зачем все выставлять напоказ? Я ведь и сама по нему очень скучала. И, честно говоря, если б он захотел со мной помириться и попросил прощения за все гадости, что наговорил мне... Но уже поздно. Похоже, сегодня он сжег свои корабли.

Я завела машину, тронулась. Поставила диск The National, грустный, меланхоличный, как начало моего нового года жизни. Очень хотелось быть оптимистом и верить, что дальше будет лучше. Но Мэтт Бернингер будто резал ножом по сердцу, оставляя мурашки на руках, и говорил, что надеяться не на что.

* * *

Столик в ресторане был заказан заранее, и мои подруги уже ждали меня там. Их у меня было всего две: Лора и Инга. Вероятно, подруг должно быть больше, но так как я интроверт, этого мне хватало сполна. Вообще я давно заметила, что для близкого общения мне необходимы лишь три человека: три подруги в школе, три подруги в институте, парень и две подруги. Если вдруг появлялся четвертый человек, который требовал моего внимания, мне казалось, что в жизни начался неуправляемый хаос, меня разрывали на части, и я чувствовала себя душевно истощенной. Раньше моим третьим близким человеком был Рома, теперь его заменила Аня. Но она жила в Киеве, и поэтому сегодня за столиком в ресторане ее не было.

Лора и Инга сидели возле искусственного водопада, который благодаря подсветке казался то синим, то зеленым, то ярко-розовым. Брызги плясали возле пластиковой листвы и небольших фигурок русалок и животных и чуть-чуть не долетали до абсолютно прямой спины Лоры. С Лорой мы жили рядом и дружили лет с 12-ти. Она была высокой, стройной брюнеткой с короткой стрижкой, похожая на Ирину Апексимову. На тонких длинных пальцах всегда был безупречный маникюр, грациозную фигуру подчеркивали платья самых модных фасонов. Лора была перспективным адвокатом, она точно знала, чего хочет, – и педантично, день за днем выстраивала свое благополучное будущее. И хотя ее рациональность и сознание собственной красоты делали ее стервой, что безумно нравилось мужчинам, Лора была хорошим другом. Не раз она вправляла мне мозги и удерживала от беспечных поступков.

С Ингой, натуральной блондинкой с высокой грудью, человеком открытым и легким, мы познакомились два года назад в поезде. Я ехала в командировку, она – на мастер-класс какого-

то известного дизайнера. Каким-то образом ей удалось разговорить меня. А сделать это достаточно трудно: я никогда не вступаю в диалоги со случайными попутчиками, таксистами, консьержками и прочими незнакомыми людьми. Но Инга была искренней и чистосердечной, она тут же поделилась со мной, что мечтает открыть свой собственный модный магазин женской одежды, какого в Курске еще не было. С лучшими марками мировых брендов, с единичными экземплярами из капсульных коллекций российских дизайнеров, с индивидуальным подходом (Инга хотела сама консультировать клиенток, помогать им подбирать вещи по фигуре и правильно их сочетать). Но пока денег не было, Инга ездила на мастер-классы, училась по блогам мировых дизайнеров и рассматривала витрины чужих бутиков. Она очень надеялась на помощь своего мужчины, но бизнес у того еще только развивался, и он не торопился раскошелиться.

Я вынырнула из темноты зала под разноцветные лучи подсветки у водопада, – и девочки заулыбались и приветливо замахали мне руками. Глаза у обеих ярко светились радостным предвкушением веселого вечера.

– Ты машину на стоянку поставила? – тут же спросила Лора, – Потому что за руль ты сегодня уже не сядешь!

– Привет! Да, поставила. Вы сделали заказ? – поинтересовалась я.

Они утвердительно кивнули.

– Заказали три Космополитена.

Обе блаженно откинулись на спинки стульев. Их довольные чеширские улыбки расплылись в воздухе, – а я не могла себя заставить расслабиться. Мой рот будто сковало ледяной коркой, я пыталась улыбнуться, но уголки никак не ползли вверх. Я чувствовала себя стариком-импотентом, который не в силах подарить удовольствие и веселье красивым молодым девушкам.

– А из еды?

– Давайте возьмем большой сет роллов! – предложила Инга.

– Только чтоб теплые роллы входили в сет. Я ем только теплые и с угрем, – строго сказала Лора.

Галантный официант на серебряном подносе принес нам коктейли. Мы сделали заказ. Официант все записал, деликатно улыбнулся и пожелал хорошего вечера. На столе остались три запотевших бокала с апельсиновыми дольками. Холодный Космополитен согревал теплым розовым светом, у Инги тут же заалели щеки.

– Даша, ты светлый и добрый человечек, – подняла она бокал. – Я желаю тебе, чтоб ты никогда не менялась, а оставалась такой же сердечной, душевной, отзывчивой, чтобы так же любила мир, людей, нас, твоих друзей, чтобы работа доставляла тебе только удовольствие, а родные радовали каждый день! За тебя! С днем рождения!

Мы звонко чокнулись и выпили. Каждое сказанное Ингой слово было не обо мне. Вот уже больше недели я копалась в себе и находила себя недоброй, замкнутой, черствой; я не очень любила людей, работа доводила меня до нервного расстройства, а мама совсем не радовала. Но Инга говорила тост искренне, она действительно верила в то, что я именно такая, как она сказала. И если для нее я такая, то, может, я не совсем пропащий человек? Я внутренне усмехнулась. Тогда, может быть, и Бог на Последнем Суде помилует меня. Как сказал Он, что не сожжет город, если там будет хотя бы один праведник, так, может, и меня обойдет кара небесная из-за Ингиной любви?

Сразу за коктейлями принесли бутылку итальянского игристого Асти. Лора налила мне до краев.

– Даша, скажу тебе честно, как настоящая подруга, – начала она. – Я даже рада, что вы расстались с Ромой. Этот человек всегда тянул тебя вниз. Ты б взвалила на себя еще и его проблемы, а что получила бы взамен? Ничего! Тебе нужно думать о себе.

– Может... не знаю... может, ему и нужна была моя помощь? Думать о себе – это же эгоистично?

– Думать о себе – это нормально! – безапелляционно сказала Лора. – Кто еще о тебе подумает и позаботится? Мама у тебя болеет, больше никого нет, так что тебе, как никому, надо думать о хорошем замужестве, о мужчине, который для тебя каменной стеной станет, а не будет мучить своими бзиками, упреками, идиотскими выходками, алкогольной зависимостью и так далее!

Мне было нечего на это ответить, поэтому я просто взяла бокал, который для меня наполнила Лора, и стала делать глоток за глотком. Искрящиеся пузырьки, как будто желая развеселить меня, щекотали язык и нёбо.

– Даша, – вклинилась Инга, – Когда я встречалась со своим бывшим, мы часто пропадали с ним в бильярдном клубе «Берлога», знаете такой? Он учил меня забивать шары. О-о-о! – потянула она чувственно, и ее высокая грудь заиграла под блузкой. – Там столько мальчиков! Бармен – просто красавчик! Пока бывший там играл, я со всеми в этом клубе перезнакомилась. В общем, к чему я всё это. Даш, давай я тебя с таким мужчиной познакомлю – закачаешься! Есть один на примете.

– Нет-нет, Инга, не надо, спасибо! Не хочу.

Лора длинными ухоженными пальцами поставила бокал на стол и вытерла салфеткой уголки рта.

– Где они, эти нормальные мужчины? Совсем с ними плохо стало. Звонил мне Вадим всю неделю: я в пятницу приеду. Хорошо, говорю, найду время с тобой встретиться, только в четверг контрольный звонок сделай, чтоб я уже точно день свой распланировала. Что вы думаете? Не позвонил!

– Может, по делам замотался? Завтра позвонит... – сказала я.

– Даже трубку не возьму! – категорично ответила Лора.

За моей спиной журчал искусственный водопад, а по венам бежали Космополитен и Асти. Как огни маяка, сияли передо мной искрящиеся задорные глаза Инги, – и меня плавно понесло по волне опьянения, и скука и раздражение постепенно вымывались из меня. Лора и Инга были простыми и понятными, и все для меня становилось проще и понятнее. Жизнь продолжалась. Мне только двадцать пять. Бог раскрыл для меня множество горизонтов, дал сотни шансов. И вот они, – рядом со мной, – люди, которые верят в меня и любят меня.

– Что такое любовь? – спросила я у них.

– Бабочки в животе и хороший секс, – хихикнула Инга.

– Никто не знает ответа на этот вопрос, – сказала Лора. – Все знают, что такое счастье. Это когда ты спокоен, и тебе нравится все, что с тобой происходит. Я вот, например, чувствую себя счастливой. А любовь – странное понятие, все – и ничего одновременно: и счастье, и боль, и доверие, и страх потери, и высшее наслаждение, и истеричная нервозность.

– А если в жизни нет любви, – это очень плохо? – опять спросила я.

– Если ты счастлив, то что плохого? У тебя есть все, что тебе нужно, все, чего тебе хочется, – Лора спокойно улыбнулась и сделала маленький аккуратный глоток Асти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.